ИСТОРИЯ И ПРАВО

УДК 930.85

Абрамян Л.П.[1]

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В 1-Й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья содержит информацию о привлечении кочевых народов Степного Предкавказья к оседлому образу жизни в середине XIX века.

Ключевые слова: Колонизация, кочевники, институт приставства.

Abrahamian L.P.

SOCIO-ECONOMIC MODEL OF THE NOMADIC PEOPLES OF THE STEPPE OF CISCAUCASIA IN THE 1ST HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article contains information about the nomadic peoples of the steppe Cartographic attraction to settled way of life in the mid-19th century.

Keywords: Colonization, nomads, Institute of pristavstva.

Многие проблемы современности, в том числе формирование новых моделей социально-экономического развития, не могут быть поняты без глубокого анализа исторического опыта социально-экономической практики. Изучение принципов управления царского правительства на Северном Кавказе позволяет понять характер и зависимость административной политики от социально-экономического развития края. С первых же шагов колонизации Северного Кавказа российская администрация уделяла значительное внимание изменению кочевого образа жизни народов Степного Предкавказья: туркмен, ногайцев и калмыков. [8]

В начале XIX века четкой вертикали в управлении кочевниками не существовало. Изначально их обращения рассматривались министром финансов и Командующим Кавказским корпусом. Впоследствии Царское правительство увеличило свой административный аппарат, в частности, количество чиновников местной администрации, в том числе и приставов, подбирая их из числа не только русских чиновников, но и из местной феодальной верхушки, преданной России. [12]

В 1822 г. генерал А.П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногайцев и других магометан, кочующих в кавказской области», а в 1827 г. Наказ был утвержден как «Устав», дарованный кочевникам в качестве «попечения об улучшении благосостояния их» со стороны правительства. По Уставу, который действовал вплоть до победы революции, на территориях проживания кочевых народов организовывались приставства, что давало возможность удерживать кочевников в пределах определенного района. Устав также вменял в обязанности приставов развитие земледелия у кочевых народов, пропаганду оседлого образа жизни. [10]

Организация приставств имела большое значение для кочевых народов не только в политическом аспекте, но и социально-экономическом: наряду с оформлением системы выборности местных начальников и определением компетенции органов самоуправления, искоренялись феодальные усобицы внутри кочевых сообществ, менялись социальные и экономические функции представителей различных сословий.

Одной из форм поощрения главных приставов были личные царские пожалования земель.

[1] *Абрамян Лариса Павловна*, кандидат исторических наук, Ессентукский филиал ГБОУ ВПО СтГМУ Минздрава России

Abrahamian L.P., candidate of historical sciences, Yessentuki branch GBOU HPE StGMU of the Ministry of health of Russia

Так, например, в 1822 г. в вознаграждение за оказанные царскому правительству услуги, Александр I предложил выделить на реке Куме «в вечное и потомственное пользование» (сверх установленной годовой пенсии в 4800 рублей) участок земли в пять тысяч десятин генерал-майору Султану Менгли-Гирею. [14]

Несмотря на негативные последствия кочевого образа жизни, русские власти действовали осторожными мерами, о чем свидетельствует содержание обращения Наместника Кавказа к гражданскому губернатору: «Местное начальство над инородцами старалось бы мерами убеждения внушить подведомственным им народам всю пользу оседлой жизни и весь вред кочевого их быта, немогущего упрочить их благосостояние, и только тех инородцев обращало к оседлости, которые добровольно изъявят на то свое согласие». [8]

В первой половине XIX века экономическое положение основной массы кочевников продолжало оставаться тяжелым, особенно в период массового переселения государственных крестьян из Центральных губерний России. Происходило постепенное сокращение территории и условий кочевания в связи с появлением новых казачьих станиц и других поселений и в результате интенсивной распашки земель.

По свидетельству Г. Губанова, исследовавшего жизнь и быт калмыцкого населения Степного Предкавказья: «В настоящее время положение калмыков в смысле материального благосостояния незавидное, и надо думать, что оно не улучшится, а, наоборот, скорее ухудшится; причиною тому, между прочим, служит немилосердное стеснение калмыков казаками». [6]

В прошлом земли, занятые калмыками, были совершенно свободны от полевой обработки: казаки пахали близ станиц или вокруг хуторов. Теперь же большая часть этих земель каждый год вспахивалась и засевалась «различными хлебами», поэтому калмыки вынуждены были довольствоваться с каждым годом все меньшим и меньшим пространством земли для пастбищ. Иногда и эти незначительные пространства свободной земли выкашивались казаками, и тогда калмыкам волей-неволей приходилось оставлять свое старое местожительство и искать другое, более удобное для выпаса скота. «Конечно, при таких условиях скотоводство у калмыков процветать не может, и заметно калмыки с каждым годом стали беднеть» – резюмирует Г. Губанов. [6]

Невозможность в прежних размерах заниматься кочевым скотоводством принуждала кочевников переходить к оседлости, осваивать земледелие. Зная о подобном положении дел, местная администрация оказывала содействие в покупке земли и материальную поддержку тем из кочевников, кто стремился к оседлости хозяйства. Наместник Кавказа принял решение «О выдаче беднейшим из ногайцев Ставропольской губернии, которые пожелают оседло водвориться пособие на первоначальное обзаведение по 10 руб. на семейство без возврата. С отнесением этого расхода на свободный магометанский капитал». [8]

Неудивительно, что первыми, откликнувшимися на призыв русских властей, стали самые бедные слои кочевого общества. Однако, правительство в некоторых случаях отказывало кочевникам в покупке земли, поскольку она не использовалась ими по назначению, то есть под заведение оседлого хозяйства. Как следует из Отношения генерала А.П. Ермолова к графу К.В. Нессельроде, от 13-го июля 1820 года, № 599: «Против позволения покупать Калмыкам землю делаемое возражение состоит в том, что они, имея обширные степи, не завели поныне постоянных жилищ. Мне, однако, кажется, что не устроили они для себя оседлости во-1-х потому, что на общественной земле трудно делать заведения одной какой-либо самомалейшей части народа, а во-2-х по той уважительной причине, что редко где в пространствах, Калмыками владеемых, представляются годные к заселению уделы». [3]

Дело в том, что лучшие участки, близлежащие к воде, постепенно отошли в частные владения или под заселения казенных крестьян. А между тем, среди калмыков росло число бедных, которые, не имея средств к пропитанию, занимались воровством, и никто не в состоянии был склонить их к постоянному поселению, в том числе и их собственные владельцы.

В связи с этим А.П. Ермолов заключает: «нужно бы дать им всевозможные к тому средства

тем паче, что позволив, приобретать покупкою земли, цена оных возвышается и в то же время Калмыки, имея собственность, делаются более русскими». [2]

В мае 1830 г. принявшим крещение калмыкам отвели по 30 десятин земли, выдали на обзаведение хозяйством по 50 рублей – семейным и по 25 рублей – холостым, всех освободили от повинностей и податей на 10 лет. Любому принявшему крещение и поселившемуся на казенных землях предоставлялись те же льготы. [11]

Кроме того, принимавшим крещение поодиночно или посемейно, предлагалось «перейти в другое сословие со всем их имуществом и скотом», а если они желали «поступить в государственные крестьяне», то им отводились места для поселения на казенных землях и на обзаведение хозяйством отпускались деньги: по 15 рублей – семейным, 8 рублей – холостым. [3]

Раздача казенных земель частным лицам регламентировались специальными законодательными актами. В отдельных случаях при определении земельных участков присутствовали представители разных этносов. Так, например, в распределении дач станицы Каргалинской, участвовали «понятые» от армянских сел Караджалинского, Дербентского, Малохолинского, казаков Курдюковской станицы и караногайцев. [5]

В связи с неурожаем к середине XIX века в Кавказской области хозяйственное положение всего населения значительно ухудшилось. Исключительно голодной и страшной стала зима 1844-1845 годов в районах Предкавказья. В особенно трудном положении оказались кочевники, к этому времени относятся их многочисленные просьбы о выдаче хлеба из казны «для продовольствия и на посев». В феврале 1845 года у туркмен и в марте у караногайцев погибло около 21912 голов верблюдов и крупного рогатого скота и 72018 голов овец. Ачикулак-Джембулуковский народ остался без лошадей, беднейшие из хозяев, лишившись во время зимы не только скота, но и топлива, жгли свои кибитки и уходили в селения для пропитания. Положение было настолько тяжелым, что Наместник Кавказа граф М.С. Воронцов просил петербургские власти сложить с этого народа все недоимки за оброчное содержание 30 десятин земли и за ссудный хлеб. [4]

Ухудшение условий жизни и хозяйствования кочевников, связанное с неурожаями, массовым притоком переселенцев из других районов и дальнейшим оттеснением в засушливое Терско-Кумское междуречье, привело к потере перспективы дальнейшего проживания в России и вызвало отток части кочевых нардов за Кубань и в Турцию в 50-60-х гг. XIX века.

Но и в этих условиях правительство продолжало политику приобщения кочевых народов к оседлому образу жизни. Однако, обзаведению сельским хозяйством бедных слоев кочевого общества подспудно мешала зажиточная верхушка, которая не желала лишаться дешевой рабочей силы. Подобное сопротивление процессу оседлости, например, среди ногайцев, объяснялось тем, что: «В настоящее время они имеют у себя в услужении вроде рабов, для присмотра за огромными своими стадами, бедных ногайцев – байгушей, которые находятся в посуточной кабале у богачей, не имея сил выбиться из подобного положения». [4] И все же, вопреки этим обстоятельствам, жизнь простых кочевников постепенно налаживалась.

В 1846 году вышла Инструкция о заселении дорог, пролегающих через калмыцкие степи, на следующих основаниях:

1) на протяжении дорог через калмыцкие земли учредить 44 станицы;

2) поселение калмыков произвести по их добровольному согласию;

3) для поселения калмыков отвести к станицам необходимое количество земли по 30 десятин на душу и 1/5 часть в запас.

Согласно этой Инструкции, тем из калмыков, «которые изъявят оседло водвориться в степи, назначено было отводить: нойонам-владельцам по 1500 десятин, зайсангам-аймачным – по 400 десятин, безаймачным – по 200 десятин и калмыкам-простолюдинам – по 30 десятин на душу». [9]

Эту землю предполагалось предоставить поселенным калмыкам в постоянное пользование, сохраняя за ними право выпаса скота на общих землях, отведенных улусам. [1]

Данный законодательный акт отражает дальнейшие меры правительства по привлечению

калмыков к оседлости. Он также демонстрирует, что, несмотря на создание общественных капиталов помощи беднейшим слоям кочевого сообщества, административная система управления, тем не менее, не могла противостоять социальному расслоению его внутренней структуры и имущественной дифференциации.

Таким образом, в отличие от начала XIX века, когда туркмены, ногайцы и калмыки продолжали в целом оставаться кочевниками, к середине XIX века определенная часть хозяйств перешла к полуоседлому и оседлому образу жизни. Доказательством тому является строительство кочевниками постоянного жилья, освоение ими технологии земледелия, обзаведение с помощью общественных капиталов сельскохозяйственными орудиями, но самое главное – выделение российским правительством необходимой земли для обустройства их оседлой жизни. В оседлых поселениях бывших кочевников стали развиваться птицеводство и ремесла по выделке кожи и изготовлению седел, появилось кузнечное дело. [7]

Переходу к оседлости способствовали следующие экономические факторы:

– уменьшение территории обитания кочевых номадов вследствие колонизации степей Предкавказья переселенными крестьянами из центральных российских губерний;

– обнищание значительной части кочевого населения;

– создание условий со стороны российских властей для оседлого образа жизни кочевников.

Таким образом, представители российской администрации на Северном Кавказе, и в Степном Предкавказье в частности, проводили последовательную политику по привлечению кочевых народов к оседлому земледельческому хозяйству. Не применяя принудительных мер, местные власти старались действовать методами поощрения к занятию земледелием, выделяя большие земельные наделы, посевной материал и оказывая материальную помощь.

В целом, политика правительства по отношению к кочевым инородцам – калмыкам, ногайцам и туркменам – была гораздо более мягкой, нежели в отношении горских народов: за ними сохранялись права решать внутренние дела на основании родовых и степных обычаев. Такое различие связано с тем, что здесь на территории, освоенной российской властью, за цепью кордонов, в окружении казачьего и крестьянского населения правительство не опасалось внешнего влияния со стороны турецких и иранских мусульманских эмиссаров на представителей кочевого населения, исповедовавших ислам.

В процессе формирования современной государственной политики на Северном Кавказе необходимо учитывать исторический опыт включения его народов в российское политико-административное и социально-экономическое пространство, особенности административно-территориального устройства и национально-государственного строительства. Изучение опыта таких эффективных в свое время моделей административного управления, как Кавказское наместничество и институт приставства, способствует созданию и регулированию современных механизмов взаимоотношения местной власти и населения. Сегодня, в период стремления народов к этнической самоидентификации и самосохранению, актуальными остаются вопросы толерантности на государственном уровне, необходимости учета этнических и религиозных особенностей коренных народов и опоры на исторически сложившиеся традиции самоуправления внутри отдельных народов и этносов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. АКАК, Т. VII. – С. 59.
2. АКАК. Т VI. Ч. 4, (904). С. 520.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / под редакцией А. И. Берже. – Тифлис, 1886-1904. Т VI. Ч. 4, (904). С. 520.
4. Алферов, В.Н., Чекменев С.А. Степная вольница (Из истории земли Ставропольской) [Текст] / В.Н. Алферов. – Ставрополь: Кн. изд. 1978. – С. 174.
5. Великая, Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв [Текст] / Н.Н. Великая. Армавир 2001. – С. 55.

6. Губанов, Г. Очерк жизни калмыков на Тереке /Г. Губанов / Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 29. – Тифлис, 1901. – С. 153.
7. История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года. / А.В. Найденко, И.М. Назарова, В.А. Колесников и др. – Ставрополь, СКИПКРО, 1996 – С. 124.
8. Нахаева, И.В. Российская политика на Северном Кавказе в XIX веке как один из факторов изменения кочевого образа жизни ногайцев, калмыков и туркмен /И.В. Нахаева / История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (Тезисы конференции 30-31 мая, 2000 г.), Пятигорск, Изд– во ПГЛУ, 2000. – С. 175.
9. Нахаева, И.В. Рукописи Г.Н. Прозрителева как источник по изучению социально-экономической структуры кочевых обществ Степного Предкавказья конца XIX – начала XX вв / Прозрителевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 1 – Ставрополь, Ставр. книжное издательство. 2005. – С. 87.
10. Невская, Т.А. Отношение администрации к кочевым народам Северного Кавказа в XIX – начале XX века /Т.А. Невская / История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (Тезисы конференции 30-31 мая, 2000г.), Пятигорск, Изд-во ПГЛУ, 2000 – С. 178-179.
11. Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. (ПСЗРИ). Т. 5, собр. 2, отд. 1, № 3653. С. 390-391.
12. Потрихальская, А.А. Приставства – как форма организации управления кочевыми народами Степного Предкавказья /А.А. Потрихальская / Социально-экономическое и политическое развитие Северного Кавказа и местное самоуправление. Сб. статей. – Ставрополь, ООО «Мир Данных», 2005. – С. 103.
13. ПСЗРИ. Т. 22, собр. 2, отд. 1, № 21144. С. 351-352.
14. Чекменев, С.А. Переселенцы [Текст] / С.А. Чекменов. – Пятигорск, 1994. – С. 77.